

СРАЖЕНИЯ В ВОЗДУХЕ
ВОЕННАЯ АВИАЦИЯ XX ВЕКА

Дмитрий Дегтев, Дмитрий Зубов

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ ЛЮФТВАФФЕ

ОТ ГРЕНЛАНДИИ ДО ИРАКА

1939—1945

Дмитрий Михайлович Дёгтев
Дмитрий Владимирович Зубов
Секретные операции люфтваффе.
От Гренландии до Ирака. 1939–1945
Серия «Военная авиация XX века»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17901197
Секретные операции люфтваффе. От Гренландии до Ирака: ЗАО Издательство
Центрполиграф; М.; 2015
ISBN 978-5-227-06280-2

Аннотация

Данная книга посвящена деятельности специальных и секретных подразделений люфтваффе, занимавшихся заброской шпионов и диверсантов в глубокий тыл противника и другими особыми миссиями. Об операциях и задачах этих подразделений знал лишь ограниченный круг лиц, строгие меры секретности соблюдались даже внутри эскадрилий. Зона их деятельности поражала воображение: вся Европа, включая нейтральные страны, Гренландия, Северная Африка, Заполярье и острова Северного Ледовитого океана, Урал, Кавказ, Средняя Азия, Иран, Ирак и Афганистан. При этом немцы не только летали в эти регионы, но и создавали там секретные базы и аэродромы. Многие миссии, проходившие в глубоком тылу противника, представляли собой весьма увлекательные и драматичные события, не уступавшие сценариям лучших американских блокбастеров.

В этой работе на основе многочисленных отечественных и немецких архивных материалов, других источников собрана практически вся доступная информация о работе специальных подразделений люфтваффе, известных и малоизвестных секретных операциях, рассказано о судьбах их участников: организаторов, летчиков, агентов, диверсантов, а также о всевозможных «повстанцах» из разных стран, на которых делало свою ставку гитлеровское руководство, снабжая их оружием и боеприпасами.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
На заре тайных полетов	6
За свободу Северной Ирландии	12
Глава 2	17
Радость крестьян	17
Истребительные батальоны против «Бранденбурга»	20
Кто и что взрывал?	24
«Наши пассажиры – рыбаки с Нижней Волги»	28
В северных пустошах	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Дмитрий Михайлович Дегтев,
Дмитрий Владимирович Зубов
Секретные операции люфтваффе.
От Гренландии до Ирака. 1939–1945**

© Дегтев Д.М., Зубов Д.В., 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Предисловие

В ночь на 15 августа 1944 года в небе Московской области послышался гул неопознанного самолета. Пройдя в районе Коломны, он повернул к Егорьевску. Тем временем на «секретной» посадочной площадке бойцы специальной группы захвата Смерша включили аэродромные огни – зверь шел прямо в приготовленную для него засаду. Вскоре стал слышен нарастающий гул моторов, потом тьму пронзили лучи посадочных фар, стремительно приближавшихся к земле. И вот на фоне тускло освещенных деревьев показался черный силуэт самолета. Контрразведчики, ближе всего находившиеся к полосе, сразу обратили внимание, что он имеет весьма странную форму, а главное, толстенный, похожий на подводную лодку фюзеляж. Но самое удивительное произошло дальше.

Прокатившись по «аэродрому», самолет не провалился ни в одну из вырытых для него ям! Тогда у кого-то из бойцов не выдержали нервы, и раздались первые выстрелы. После этого, не дожидаясь приказа, открыли беспорядочную стрельбу и все остальные. Каково же было изумление контрразведчиков, когда, несмотря на шквальный огонь, призрак как ни в чем не бывало развернулся в конце полосы, стремительно промчался по все тем же, уже отчетливо видимым, ямам и взлетел!

Офицеры и солдаты еще долго не могли прийти в себя после увиденного. Что это за самолет такой и что у него за чудо-шасси?

Это был один из множества ярких эпизодов боевой работы специальных и секретных подразделений люфтваффе, занимавшихся заброской шпионов и диверсантов в глубокий тыл противников. В отличие от летчиков-истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков и других, о которых писали газеты, рассказывала кинохроника, превращая их в национальных героев, деятельность этих экипажей и авиагрупп даже в самой германской авиации носила закрытый характер. Об операциях и задачах этих подразделений знал лишь ограниченный круг лиц, строгие меры секретности соблюдались даже внутри эскадрилий. Было общепринятой практикой, когда один экипаж ничего не знал о заданиях своих коллег. При этом летчики порой вообще не видели, кого они перевозят, а в летных книжках вместо общепринятых данных о времени вылета, аэродроме, цели полета, времени и месте посадки – указывалось лишь кодовое название операции.

Между тем зона деятельности таких подразделений и самолетов поражала воображение: вся Европа, включая нейтральные страны, Гренландия, Северная Африка, Заполярье и острова Ледовитого океана, Урал, Кавказ, Средняя Азия, включая Иран, Ирак и Афганистан. При этом немцы не только летали в эти регионы, но и создавали там секретные базы и аэродромы. Безусловно, многие «секретные операции» носили ярко выраженный авантюрный и даже хулиганский характер, приводили к серьезным потерям в людях и технике и редко оказывали серьезное влияние на ход боевых действий. Однако при этом представляли собой весьма увлекательные и драматичные события, не уступавшие сценариям лучших американских блокбастеров.

В этой книге на основе многочисленных отечественных и немецких источников, других материалов собрана практически вся доступная информация о деятельности специальных подразделений люфтваффе, известных и малоизвестных секретных операциях, а также рассказано о судьбах рядовых участников тех событий: организаторах, летчиках, агентах и диверсантах. А также о различных «повстанцах» из разных стран, на которых всерьез делало свою ставку гитлеровское руководство, снабжая их оружием и боеприпасами.

Глава 1

Крылья абвера

На заре тайных полетов

Секретная деятельность Теодора Ровеля, оставившая глубокий след не только в истории люфтваффе, но и во всей истории Третьего рейха, была теснейшим образом связана с немецкой военной разведкой. Его личная карьера быстро шла в гору вместе с ростом ее авторитета и влияния. В какой-то период времени он не только выполнял задания разведки, но и самым непосредственным образом влиял даже на судьбу ее руководителей. Когда же ожесточенное соперничество с нацистской секретной службой безопасности (Sicherheitsdienst – SD) закончилось не в пользу военной разведки, настал конец и карьере самого Ровеля.

Согласно условиям Версальского договора 1919 г., все разведывательные службы Германии были распущены, но при этом ей все же разрешалось иметь внутреннюю службу безопасности. Поэтому в 1921 г. правительство Веймарской республики образовало в составе министерства обороны орган, на который возложило функции сбора открытой военной информации за рубежом и военной контрразведки в рейхсвере (германских вооруженных силах). Исходя из формальных задач, ему дали довольно туманное наименование – «Управление заграничной информации и обороны» (Amt Auslandnachrichten und Abwehr).

Новую германскую спецслужбу, которая вскоре стала известна просто как абвер, возглавил майор Гемпп. В первые годы своего существования это была действительно исключительно контрразведывательная организация. В ее малочисленном центральном аппарате имелись только две группы – «Восток» («Ost») и «Запад» («West»). Для непосредственной работы на местах в каждом военном округе были созданы так называемые «пункты» абвера (Abwehrstellen).

Однако постепенно «сбор открытой информации» за границей превратился в полноценную активную разведывательную деятельность со всеми нелегальными атрибутами. В центральном аппарате абвера появились соответствующие отделы. Были созданы филиал в Кенигсберге и вспомогательные отделения в Мариенбурге, Алленштайне и Гумбинене. Задачей последних была организация агентурной разведки против Польши и Советского Союза.

В течение 20–30-х гг. организационная структура абвера непрерывно изменялась и совершенствовалась. В 1938 г. он был реорганизован в Управление разведки и контрразведки Главного командования вермахта. Шли годы, менялись и его руководители. В 1928 г. майора Гемппа сменил оберст Швантес, который, в свою очередь, уже 1 июня 1929 г. передал дела оберсту Фердинанду фон Бредову. Затем во главе абвера, начиная с 6 июня 1932 г., стояли уже только военные моряки: сначала – Конрад Патциг, а затем – Вильгельм Канарис.

Окончательно структура абвера оформилась к осени 1939 г. и затем с небольшими изменениями сохранялась вплоть до его упразднения осенью 1944 г. Его штаб-квартира размещалась в Берлине, в доме № 74 на набережной Тирпица, рядом с комплексом зданий военного министерства на Бендлерштрассе. Внутренняя планировка особняка абвера, казалось, специально была создана для подобной организации. Это был настоящий лабиринт из внешне хаотически соединенных между собой комнат и залов, извилистых коридоров, порой внезапно заканчивавшихся тупиком, лестниц, уходивших вверх и вниз. В нем с трудом ориентировались даже постоянные сотрудники, не говоря уж о тех, кто попадал туда впервые. Поэтому понятно, почему штаб-квартиру абвера с полным правом прозвали «лисий норой».

Абвер делился на три отдела (Abteilung – АМ.). Первый отдел, или Абвер-I (Abt.I), отвечал за сбор и оценку разведывательной информации. Главным ее заказчиком и потребителем было Главное командование вермахта, и потому предполагалось, что она должна носить прежде всего военный характер. Это определялось и соглашением «О разделе сфер влияния», заключенным 21 декабря 1936 г. между абвером и СД, которое знающие люди ехидно прозвали «десятью заповедями». Политическая же разведка была прерогативой службы внешней разведки СД. Однако на практике было невозможно четко определить «границы ответственности». Абвер и СД неизбежно вторгались в чужую сферу интересов, что приводило к постоянным конфликтам и нездоровому соперничеству.

В Абвер-I входили пять подотделов: IX «Иностранные армии» (Fremde Heer), IM «Иностранный военно-морской флот» (Fremde Marine), IL «Иностранная авиация» (Fremde Luft), IWI «Иностранная промышленность» (Fremde Wirtschaft) и IIIВ «Авиаразведка» (Technik-Luft). Каждый из них занимался сбором разведывательных данных в своей сфере, что следовало из их названий.

Кроме того, в абвере-I имелись пять подгрупп, разделенных по географическому принципу. Так, самая многочисленная подгруппа «Гамбург» (Amt Hamburg) отвечала за организацию военной разведки на территории Англии. Подотделы и подгруппы, в свою очередь, подразделялись на так называемые рефературы.

В 1936 г. начальником отдела Абвер-I был назначен 43-летний майор Ханс Пикенброк, начавший работать в военной разведке еще в 1921 г. Благодаря своим способностям он стал второй по влиятельности фигурой в абвере после Канариса, считавшего его своей правой рукой. Выполняя деликатные поручения нацистского руководства и лично Гитлера, Пикенброк изъездил вдоль и поперек всю Европу, бывал на Ближнем Востоке и в Советском Союзе. При этом он всегда оставался в тени и в случае опасности вовремя и умело заметал следы.

Второй отдел, или Абвер-II (Abt.II), был создан по личной инициативе Канариса в середине 30-х гг. Его задачей были организация подрывной деятельности и саботажа на территории противника. Он состоял из пяти подотделов, разделявшихся на 15 самостоятельных рефератур. 10 ноября 1938 г. начальником абвера-II стал 41-летний майор Эрвин фон Лахузен-Вивремонт – кадровый офицер бывшей австрийской военной разведки, начавший свою карьеру еще во время Первой мировой войны.

В распоряжении абвера-II имелись три крупных учебных центра для подготовки диверсантов и агентов. Один центр находился в местечке Тегеле, около Берлина, второй – в Квинцзе, недалеко от Бранденбурга, а третий – в местечке Химзе. Все они были тщательно замаскированы и скрыты от посторонних глаз. Подготовка велась в условиях, максимально приближенных к боевым. Так, на опытном поле в Квинцзее имелись мосты различных конструкций, участки железнодорожного полотна и т. д.

Третий отдел, или абвер – III, который 1 марта 1939 г. возглавил 42-летний майор Франц Эккард фон Бентивеньи, кадровый военный-артиллерист, с 1936 г. служивший в абвере, отвечал за контрразведывательную деятельность. Его основными функциями были недопущение проникновения иностранных агентов в вермахт, обеспечение охраны государственной тайны, документов особой важности и лиц, имевших к ним допуск. Абвер-III имел разветвленную структуру, в него входили десять подотделов, каждый из которых, в свою очередь, делился на множество подгрупп и рефератур по направлениям работы. В его составе имелось и специальное подразделение, как теперь сказали бы, «служба собственной безопасности», которое вело наблюдение за сотрудниками абвера.

Нет никаких официальных данных о численности центрального аппарата абвера. В конце войны практически все документы немецкой военной разведки, большинство из которых существовало в единственном экземпляре, были уничтожены. Из сохранившихся отрывочных сведений известно, что, например, к марту 1943 г. в трех основных отделах штаб-

квартиры работали 140 сотрудников, в том числе в Абвере-I – 63 чел., в Абвере-II – 34 чел. и в Абвере-III – 43 чел.

Для оперативной работы при каждом военном округе, группе армий и каждой военно-морской базе имелись так называемые «пункты» абвера (Abwehrstellen) – всего 33 штуки. Позднее в ходе войны такие «пункты» создавались и на оккупированных территориях. Численность их сотрудников изменялась в широких пределах; так, например, в абверовском пункте во французском порту Шербур было всего три человека, а в парижском пункте – уже 382. В среднем же каждый такой пункт вместе с входившими в него подпунктами и полевыми разведпунктами насчитывал около 150 сотрудников.

Согласно распоряжению Канариса, каждый орган абвера при группе армий или при полевой армии был обязан иметь разведывательную сеть из минимум 25 агентов. Часть их должны были действовать в прифронтовой полосе, на дальности до 30 км от линии фронта, а остальные забрасываться в глубокий тыл.

Вот что вкратце представляла собой немецкая военная разведка, с которой предстояло самым тесным образом сотрудничать Теодору Ровелю. Но пора вернуться к нему самому...

Теодор Ровель родился 9 февраля 1894 г. в местечке Баршлюте, расположенном на левом берегу реки Везер, в паре километров от северо-западной окраины Бремена.

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии. Это послужило спусковым механизмом для начала большой войны, которая потом вошла в историю как Первая мировая. 1 августа кайзеровская Германия объявила войну сначала России, а затем 3 августа – Франции. На следующий день уже Великобритания объявила войну Германии под предлогом нарушения последней нейтралитета Бельгии.

Для миллионов молодых немцев это означало кардинальный поворот всей дальнейшей жизни. Уже 28 августа того же года 20-летний Ровель был призван в кайзеровский военно-морской флот и направлен для обучения в качестве офицера. Пройдя курс первоначальной подготовки, он до марта 1915 г. служил на линкоре «Вестфалия», потом – на старом линкоре «Кайзер Карл дер Гроссе», который стоял в гавани Вильгельмсхафена и использовался в качестве плавучей казармы и учебного корабля, а с июля 1915 г. – на «Остфрисланде».

В начале 1916 г. Ровеля перевели в морскую авиацию и в марте направили в 1-й морской авиадивизион, расквартированный на базе Нордерей, на западной оконечности одноименного острова из архипелага Восточно-Фризских островов. 10 июня 1916 г. он получил звание лейтенанта флота, а 21 октября – квалификацию летчика-наблюдателя.

В том же октябре 1916 г. Ровеля назначили в 3-ю эскадрилью самолетов-торпедоносцев (Torpedo-Staffel III), базировавшуюся тогда во Фленсбурге. Позднее он был переведен в 1-ю эскадрилью торпедоносцев и 4 сентября 1917 г. вместе с ней прибыл на базу морской авиации в г. Зебрюгге, на побережье Бельгии.

9 сентября в 13:10 оттуда взлетели три самолета-торпедоносца с бортовыми номерами T995, T1211 и T1213. Экипаж последнего состоял из пилота лейтенанта Хубриха и летчика-наблюдателя лейтенанта Ровеля. В сопровождении трех истребителей Hansa-Brandenburg C. 1 они отправились на поиск британских кораблей в Северном море. Приблизительно в 14:50 немецкие летчики обнаружили шесть рыболовецких судов, которых сопровождал миноносец. Небольшой конвой держал курс к устью Темзы. Торпедоносцы атаковали замыкающее судно, носившее наименование «Storm of Guernsey» и имевшее тоннаж в 440 брт. Одна сброшенная ими торпеда прошла мимо, а две другие попали в цель: одна в район котельного отделения, а вторая – в кормовой трюм. В итоге судно сразу же затонуло, а все самолеты, несмотря на огонь с миноносца, не получили никаких повреждений и благополучно вернулись на свою базу.

17 сентября T-Staffel I вылетела в Прибалтику и 24 сентября прибыла в порт Виндау (ныне Вентспилс, Латвия). Ей предстояло принять участие в операции кайзеровского

флота под кодовым наименованием «Альбион» («Albion»). Она началась 29 сентября, и ее целью были захват островов Моонзундского архипелага и уничтожение сил русского флота в Рижском заливе. Это позволяло создать условия для последующего прорыва в Финский залив и к Петрограду (Санкт-Петербургу).

Германский морской отряд особого назначения вице-адмирала Эриха Шмидта включал 10 линкоров, 1 линейный крейсер, 8 легких крейсеров, 47 эсминцев, 11 миноносцев, шесть подлодок и 90 тральщиков. Десантные войска насчитывали 24 600 чел., 40 пушек, 85 минометов и 225 пулеметов. Воздушное обеспечение операции осуществляли 9 дирижаблей и 94 самолета. Противостоявшие им морские силы Рижского залива состояли из двух старых линкоров «Слава» и «Гражданин», 3 крейсеров, 36 эсминцев и миноносцев, 3 канонерских лодок, 5 минных заградителей и 3 подлодок. Гарнизон Моонзундских островов имел около 12 тыс. чел., 64 полевых орудия и 118 пулеметов. Проходы через проливы закрывали минные заграждения и 16 береговых батарей – всего 54 орудия калибром от 75 до 305 мм.

29 сентября, подавив огонь береговых батарей, германский флот высадил десант в бухте Тагалахт на Эзеле (ныне Сааремаа, Эстония), самом крупном острове из Моонзундского архипелага. В этот же день германский флот вошел в Рижский залив. Командование русских сил не приняло никаких мер по усилению обороны островов, а некоторые адмиралы в начале немецкой операции вообще бежали. Оборону фактически возглавили большевистские организации Балтийского флота и избранный матросами и солдатами комитет.

В конце концов 3 октября немецкий десант полностью занял Эзель, 5 октября – о. Моон (ныне Муху, Эстония) и на следующий день – о. Даго (ныне Хийумаа, Эстония). В ходе ожесточенных столкновений с кайзеровским флотом русские моряки потопили 10 эсминцев и 6 тральщиков, а также повредили 3 линкора, 13 эсминцев и миноносцев. В итоге германское командование отказалось от прорыва в Финский залив и 7 октября отвело свои корабли из Рижского залива. Русский флот потерял линкор «Слава» и 1 эсминец. Повреждения получили линкор «Гражданин», один крейсер, 3 эсминца и 2 канонерские лодки.

После окончания операции «Альбион» T-Staffel I еще месяц оставалась в Либяу. Затем она отправилась обратно во Фландрию и 12 ноября вернулась на прежнюю базу в Зебрюгге.

27 ноября в 10:50 лейтенант Ровель вместе со своим другом пилотом лейтенантом Хубрихом поднялся в воздух на самолете Brandenburg C W.Nr.1015. Они должны были совершить вполне рутинный тренировочный полет. Однако уже через двадцать минут после взлета самолет неожиданно упал на землю. Хубрих не пострадал, а Ровель получил тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь в г. Брюгге. По официальной версии, виновником аварии был Хубрих, который «опасно пилотировал самолет и выполнил запрещенный маневр».

После излечения лейтенант Ровель вернулся в T-Staffel I. Затем он некоторое время командовал 3-й морской авиастанцией во Фландрии (Seeflugstation Flandern III), а потом 16 августа 1918 г. был назначен инструктором в авиашколу летчиков-наблюдателей, находившуюся в г. Путциг, на берегу Данцигского залива.

Четырехлетняя Первая мировая война завершилась поражением Германии и ее союзников – Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. В ночь на 4 октября 1918 г. германское правительство известило о своей готовности подписать капитуляцию. Президент США Вудро Вильсон от имени союзников в числе других условий выдвинул требование, чтобы Вильгельм II отрекся от своего трона. В истощенной войной Германии разразилась революция, причем началась она 3 ноября с восстания матросов кайзеровского флота в Киле. Через несколько дней Вильгельм II бежал в Голландию, а в стране началась ожесточенная внутриполитическая борьба за власть. Понятно, что тут уже никому не было дела до флота и авиации, и 31 декабря 1918 г. лейтенант Ровель официально оставил военную службу.

Чем он занимался в течение последующих лет, неизвестно. Но к 1930 г. Теодор Ровель уже флюг-капитан в авиакомпании «Ганза-Люфтбилд». Она занималась аэрофотосъемкой

и была новатором в ее новых методах и в коммерческом использовании фотограмметрии. Ее предшественница – «Аэро Ллойд люфтбильд» (Aero Lloyd Luftbild GmbH) – была основана еще в 1923 г. как филиал транспортной авиакомпании «Дойче аэро ллойд» (Deutsche Aero Lloyd). Затем последняя слилась с транспортной авиакомпанией «Юнкерс люфтферкер» (Junkers Luftverkehr AG), в результате чего образовалась авиакомпания «Дойче люфтханза». После этого «Аэро Ллойд люфтбильд» и была переименована в «Ханза-Люфтбильд». Ее директором стал Вильгельм Гесснер, занимавший этот пост вплоть до своей смерти в 1945 г.

Услышав о том, что Польша строит на границе с Германией новые оборонительные сооружения, Ровель совершает несколько полетов над приграничными польскими районами. Невозможно сказать, что было – его собственная инициатива или нечто иное. Можно заметить, что в 20-е гг. крупные немецкие концерны создали собственные разведывательные службы. Например, такая служба была в электротехническом концерне «Сименс унд Гальске». Альфред Гутенберг, крупный промышленник и «газетный король», финансировал так называемую «Немецкую заморскую службу», а несколько металлургических предприятий – организацию «Нунция». Все они в основном занимались промышленным шпионажем за границей, но имели тайные связи и с абвером. Можно предположить, что и «Ганза-Люфтбильд» в силу специфики своей работы была как-то связана с ним.

Как бы там ни было, но фотографии польских оборонительных сооружений, сделанные Ровелем, неким чудесным образом попали к тогдашнему начальнику абвера оберсту фон Бредову. На тот момент аэрофотосъемка была самым передовым методом начинавшей зарождаться технической разведки. Фон Бредов по достоинству оценил преимущества, которые она имела по сравнению с классической агентурной разведкой, и нанял Ровеля на работу в свое ведомство.

Формально Ровель оставался летчиком авиакомпании «Ганза-Люфтбильд», но фактически уже работал на германскую военную разведку. Абвер финансировал продолжение его разведывательных полетов над польской территорией. В распоряжение Ровеля предоставили «Юнкерс» Ju-W34be/b3e «D-1119», который был специально оборудован для высотных полетов и оснащен английским двигателем Бристоль «Юпитер» VII мощностью 600 л. с. На этом самолете летчик-испытатель Вильгельм Нойенхофен, взлетев 26 мая 1929 г. с заводского аэродрома фирмы «Юнкерс» в г. Дессау, за 45 минут поднялся на 12 739 м, установив мировой рекорд высоты полета, который был официально зарегистрирован Международной авиационной федерацией.

Вскоре к Ровелю присоединились еще несколько летчиков из «Ганзы-Люфтбильд». Резкое увеличение числа случаев, когда обычно крайне аккуратные немецкие пилоты, вдруг «заблудившись», оказывались в воздушном пространстве Польши, заставило польскую контрразведку заподозрить, что эти якобы гражданские пилоты на самом деле занимаются аэрофоторазведкой. Однако никаких конкретных доказательств добыть так и не удалось.

Премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен и его французский коллега Эдуард Даладьё фактически согласились с требованиями Гитлера, надеясь, что это умиротворит его и в конечном итоге поможет избежать большой войны в Европе. 29 сентября в Мюнхене состоялась встреча Гитлера, Муссолини, Даладьё и Чемберлена, на которой было достигнуто согласие о расчленении территории Чехословакии. В ночь на 30 сентября англичане и французы фактически принудили чехословацкого президента Эдуарда Бенеша, которого при этом даже не допустили на сами переговоры, принять условия Германии.

На следующий день текст Мюнхенского соглашения, по которому Судетская область в срок с 1 по 10 октября 1938 г. подлежала передаче Германии, был подписан. Вот тут-то и пригодились сделанные эскадрилей Ровеля аэрофотоснимки. Части вермахта, вошедшие в Судеты, имели подробнейшие карты с указанием всех укреплений чехословацкой армии,

аэродромов, мостов, военных заводов и т. п. Руководство люфтваффе и абвера очень высоко оценивали деятельность Ровеля. И в ноябре 1938 г. последовало очередное признание – ему присвоили звание обер-лейтенанта.

К концу 1938 г. стало ясно, что эскадрилья Ровеля уже переросла саму себя. Да и обер-лейтенанту тоже было как-то «неприлично» командовать эскадрильей, хоть и специального назначения. Потому на ее основе в январе 1939 г. была сформирована уже разведывательная авиагруппа при главнокомандующем люфтваффе (Aufklarergruppe Oberbefehlshaber der Luftwaffe – Aufkl.Gr.Ob.d.L.), которую затем неофициально называли просто «группой Ровеля». Она разместилась на аэродроме Вердер, расположенном в 9 км западнее Потсдама, на берегу озера Гросенцернзе.

Первоначально в группе были две эскадрильи, которые имели на вооружении самолеты He-111, Do-17 и Vf-110. При этом в числе «Дорнье-17» были семь машин, специально построенных для группы Ровеля. Четыре Do-17R (R-1 – R-4) были модернизированным вариантом Do-17M, а три Do-17S (SI – S3) – вариантом Do-17Z, и все они были оснащены двигателями DB601. Затем в течение 1939 г. в Aufkl.Gr. Ob.d.L. проходили испытания опытные образцы различных самолетов, которые предполагалось использовать для целей аэрофото-разведки. Среди них были несколько Do-215 и по крайней мере один Do-217A-0.

В августе того же года на аэродроме Ораниенбург была образована так называемая «Опытная станция высотных полетов» (Versuchsstelle für Hohenflüge – VfH), которую также подчинили обер-лейтенанту Ровелю. При ее формировании использовался летный персонал государственной компании «Ганза-Люфтбилд», которую передали в ведение люфтваффе, хотя она и продолжала формально оставаться гражданским предприятием.

На «станции» было три эскадрильи, однако только 1-я эскадрилья затем занималась непосредственно исследованиями в области высотных полетов и аэрофоторазведки. Во 2-й эскадрилье проходили всесторонние испытания иностранные самолеты, а 3-я эскадрилья выполняла секретные полеты по доставке на территорию других стран разведывательных групп и агентов-одиночек.

Утром 1 сентября 1939 г. нацистская Германия напала на Польшу. В деятельности Ровеля начинался новый этап...

За свободу Северной Ирландии

Еще в конце 30-х гг. абвер установил предварительные контакты с так называемой Ирландской республиканской армией (Ireland Republican Army) – нелегальной националистической организацией, борющейся за присоединение Северной Ирландии, входящей в состав Великобритании, к Ирландскому свободному государству и полную независимость последнего. Причем это произошло в тюрьме города Мейдстон, где отбывали наказание несколько лидеров ИРА и немецкий лейтенант Гёртц, приговоренный за шпионаж к четырем годам заключения.

В феврале 1939 г. агент абвера-1 Оскар Пфаус встретился с так называемым «Армейским Советом» ИРА. И потом осенью, уже после начала войны, при его помощи была налажена радиосвязь между немецкой разведкой и ИРА. В феврале 1940 г. подводная лодка U-37 корветен-капитана Вернера Хартманна доставила к западному побережью Ирландии, в заливе Донегол, очередного немецкого агента – Эрнста Вебера-Дроля. Он имел задание оценить ситуацию в части сотрудничества с ИРА. Однако во время высадки он уронил свою рацию в воду и, как следствие, не смог установить связь со своим руководством. Затем в апреле Вебер-Дроль был арестован МИ5 и, быстро согласившись работать на англичан, стал двойным агентом.

Британская контрразведка вообще действовала очень энергично и эффективно. К началу 1940 г. почти все агенты абверовской сети на территории Великобритании, работавшей под руководством гауптмана Херберта Вихманна, находились под наблюдением англичан. Тридцать девять из них в свое время были арестованы и перевербованы. Один из самых ценных агентов – валлиец Альфред Оуэне, имевший в абвере псевдоним «Джонни», с конца 30-х гг. фактически работал на МИ5. Англичане присвоили ему кодовое обозначение «Снег» и, используя его радиопередатчик, активно снабжали немцев дезинформацией.

Для того чтобы высаживать своих агентов как можно ближе к месту их назначения, Абвер-1 решил использовать самолеты 2-й эскадрильи Aufkl.Gr.Ob.d.L. Ее возглавлял оберлейтенант Карл Эдмунд Гартенфельд, по праву считавшийся экспертом в этом деликатном деле. Он родился 27 июля 1899 г. в г. Ахен. Свою военную карьеру Гартенфельд начал во время Первой мировой войны, и, пройдя летную подготовку, он, как в свое время и Ровель, служил в авиации кайзеровского военно-морского флота. После капитуляции Германии он демобилизовался и в последующие годы работал в авиакомпаниях «Люфтганза». В 1936 г. Гартенфельд вступил в люфтваффе и был включен в состав эскадрильи специального назначения, а затем в 1939 г. был назначен командиром вновь сформированной 2-й эскадрильи Aufkl.Gr. Ob.d.L.

Секретные вылеты по заброске агентов на территорию вражеских и нейтральных стран проходили в самых неблагоприятных для обычных полетов условиях – ночью и при сильной облачности. Высокая квалификация пилотов и штурманов эскадрильи Гартенфельда позволяла производить десантирование агентов обычно в радиусе не более 8 км от намеченной точки высадки. Однако в некоторых случаях они все же довольно сильно ошибались.

В ночь на 6 мая 1940 г. самолет оберлейтенанта Гартенфельда должен был доставить на территорию Ирландии, в район Дублина, очередного агента абвера. Им был тот самый лейтенант Гёртц, который, отбыв наказание в английской тюрьме, вернулся в Германию и, как говорится, снова взялся за старое. Теперь он имел задание создать в Ирландии нелегальную организацию для саботажа и диверсий, подконтрольную абверу и независимую от ненадежной ИРА, раздираемой внутренними противоречиями.

Немецкий штурман допустил ошибку в расчете курса, и самолет вышел к восточному побережью Ирландии приблизительно в 80 км севернее Дублина. Приняв видневши-

еся слева огни порта Дандолк за огни ирландской столицы, Гартенфельд продолжил полет в глубь, как он полагал, нейтральной Ирландии. В результате Гёртц опустился на парашюте в графстве Арма, в Северной Ирландии, то есть уже на территории Великобритании.

С большим трудом Гёртц все же смог добраться до Дублина, где встретился с тогдашним начальником штаба ИРА Стивенем Хейсом. Но его миссия в Ирландии завершилась провалом. Выкачав из Гёртца все имевшиеся у него деньги, ИРА фактически сдала его официальным властям. В ноябре 1940 г. он был задержан и помещен в тюрьму, где должен был ожидать репатриации в Германию. Спустя несколько месяцев, опасаясь, что ирландские власти хотят передать его англичанам, Гёртц покончил жизнь самоубийством.

Тем временем в начале 1940 г. Абвер-II, ведавший организацией подрывной деятельности и саботажа, создал первое специальное подразделение для диверсионных и разведывательных операций в тылу противника. В целях сохранения секретности оно получило наименование «800-й учебный и строительный батальон специального назначения» (Lehr und Bau Bataillon zbV 800) и располагалось в г. Бреслау. Парашютно-десантную подготовку личный состав батальона проходил на аэродроме Ораниенбург. Там базировалась эскадрилья Гартенфельда, персонал которой сначала выступал в качестве инструкторов, а позднее доставлял своих бывших курсантов к месту назначения.

День 28 мая 1940 г. не предвещал ничего необычного. На борт одномоторного самолета «Юнкерс» W.34, который пилотировал сам Гартенфельд, чтобы выполнить тренировочные прыжки, поднялась очередная группа агентов абвера. Все шло нормально, пока не настала очередь прыгать лейтенанту Лоебнеру. Видимо, от волнения тот слишком рано потянул за вытяжное кольцо, и купол парашюта зацепился за хвостовое оперение «Юнкерса». Ситуация сложилась критическая – обычная посадка на аэродроме грозила абверовцу тяжелейшими травмами или вообще смертью. Надо было что-то придумать, и Гартенфельд решил посадить самолет на воду. Он настолько аккуратно «притер» «Юнкерс» к поверхности Тельтов-канала, проходящего через южную часть Берлина и соединяющего реки Хафель и Шпре, что Лоебнер отделался лишь легким сотрясением мозга. Затем 25 июля обер-лейтенанта Гартенфельда за его решительные действия наградили медалью «За спасение» (Rettungsmedallie).

Между тем абвер продолжал пытаться разыгрывать «ирландскую карту». Ирландия представлялась немцам прежде всего удобной «задней дверью» для заброски своих агентов в Великобританию.

В начале мая немецкая разведка организовала приезд в Германию из нейтральных тогда Соединенных Штатов двух известных ирландских диссидентов – Шона Расселла, бывшего начальника штаба ИРА, и Фрэнка Райана. Немцы надеялись, что эта парочка сможет заставить ИРА играть более активную роль в части саботажа и диверсий на английской территории. Операция по их доставке в Ирландию получила кодовое наименование «Голубь» («Taube»). В начале августа Расселл и Райан поднялись на борт подводной лодки U-65 корветен-капитана Ханса Геритта фон Штокхаузена, которая должна была высаживать их на родном побережье. Однако операция провалилась, практически не начавшись. Во время морского перехода Расселл неожиданно умер от прободения язвы желудка, и подлодка с полпути вернулась обратно.

Затем в июне уже с самолета 2-й эскадрильи Aufkl.Gr. Ob.d.L. над Ирландией на парашюте был сброшен новый агент – Вильгельм Преец. Но и его миссия завершилась провалом, так как вскоре он был арестован.

В недрах спецслужб Третьего рейха порой рождались достаточно авантюрные планы относительно Ирландии. Одним из таких примеров была операция «Кэтлин» («Kathleen»). Немцы хорошо знали о том, что ирландское правительство серьезно опасалось того, что Великобритания может вторгнуться на их территорию, чтобы занять и использовать важней-

шие порты и аэродромы. Поэтому возникла идея – предложить ирландцам «помочь» защититься от возможной агрессии путем «мирной» высадки немецких войск в Ирландии. Предполагалось, что немецкие корабли с солдатами на борту выйдут из французских портов в Атлантику и затем подойдут к Ирландии с запада под видом судов под ирландскими флагами, идущих из США. В Ораниенбурге было даже сформировано 1-е специальное подразделение СС, члены которого якобы готовились к рейду на Суэцкий канал.

План операции «Кэтлин» представили рейхсминистру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу, который передал соответствующее предложение ирландскому премьер-министру Имону дэ Валера. Правительство Ирландии первоначально проявило интерес к «благородной заботе» немцев, однако после длительного обсуждения 17 декабря 1940 г. все же дало отрицательный ответ. Причина отказа прежде всего крылась в том, что оно не в меньшей степени, чем британцев, опасалось и усиления ИРА, которое в случае высадки немецких войск было более чем вероятно.

После успешной кампании в Западной Европе в мае – июне 1940 г. и капитуляции Франции Гитлер надеялся, что Англия сама сделает предложение о мире, и пытался дать понять, что готов к переговорам и даже к компромиссу. Однако британский премьер-министр Черчилль не собирался прекращать войну. Тогда 16 июля фюрер подписал оперативную директиву № 16, в которой говорилось о необходимости подготовки десантной операции с целью оккупации Англии. Одновременно был установлен и срок ее начала – середина сентября.

Главное командование вермахта разработало план такой операции под кодовым наименованием «Морской лев». Предполагалось переправить через Ла-Манш двадцать пять дивизий вермахта, которые, высадившись между Дувром и Портсмутом, начнут наступление на Лондон. Однако при этом немецкие стратеги столкнулись с нехваткой тактической разведывательной информации о силах и средствах, имевшихся в распоряжении англичан. Поэтому перед абвером была поставлена задача восполнить ее недостаток в преддверии предстоящей высадки, что возможно было сделать лишь забрасыванием в Англию большого числа новых агентов. Операция немецкой разведки по их обучению и отправке под кодовым наименованием «Лена» («Lena») получила высший приоритет. На практике это означало, что подготовка агентов велась ускоренно, на самом элементарном уровне. Например, многие из них, набранные из граждан оккупированных Третьим рейхом стран, даже плохо говорили по-английски. Однако в абвере не придавали этому большого значения, поскольку справедливо полагали, что «время жизни» таких агентов перед началом вторжения будет недолгим.

Специалисты немецкой разведки оказались правы, причем они сами и не предполагали насколько. Неудачи преследовали операцию «Лена» с самого начала. 3 сентября несколько человек были выброшены на парашютах с самолета 2-й эскадрильи Aufkl.Gr.Ob.d.L., и почти одновременно с ними на побережье Кента с рыбацкого катера высадилась еще одна группа из четырех агентов-голландцев. Не прошло и 36 часов, как все они были арестованы англичанами, и затем в декабре трое голландцев, отказавшихся сотрудничать с МИ5, были казнены как диверсанты.

Поздним вечером 5 сентября 1940 г. с французского аэродрома Шартр взлетел He-111 из эскадрильи Гартенфельда. На его борту находился агент № 3719 – Гёста Кароли, имевший при себе шведский паспорт, британское удостоверение личности и немецкую радиостанцию. Он приземлился на парашюте западнее г. Нортгемтон. Уже три дня спустя Кароли был задержан и согласился работать на англичан. Он получил в МИ5 псевдоним «Лето» и до конца года исправно передавал в абвер «информацию», которую получал от англичан. Потом Кароли попытался бежать с конспиративной квартиры, где его содержали, но был снова пойман, и время, остававшееся до конца войны, провел уже в тюрьме.

Ночью 19 сентября с «Хейнкеля», который пилотировал гауптман Гартенфельд, десантировался агент № 3725 – Вульф Шмидт. Он приземлился около поселка Виллингхэм, расположенного в 13 км северо-западнее Кембриджа. Его арестовали в течение первых же суток, и он также быстро согласился сотрудничать с англичанами, которые дали ему псевдоним «Тейт». Благодаря «помощи» МИ5 Шмидт считался в абвере одним из самых ценных агентов на территории Великобритании. При этом его заслуги оценили обе стороны: одна наградила его Железным крестом, а другая после войны предоставила ему британское гражданство. Ночью 30 сентября гидросамолет He-115, вероятно из состава 906-й авиагруппы берегового базирования Ku.Fl. Gr.906, вылетевший с норвежской авиабазы Сула, доставил к побережью Северной Шотландии трех агентов: двух мужчин и одну женщину. На резиновой шлюпке они достигли берега недалеко от города Банф. Высадка прошла незаметно, но, несмотря на это, вся группа вскоре была поймана. Возможно, это произошло потому, что женщина – Вера де Витте – уже фактически была двойным агентом, работавшим на МИ5. Два других агента – Теодор Дрюке и швейцарец Вернер Ваелти отказались сотрудничать с контрразведкой и затем в 1941 г. были казнены по приговору британского военного суда.

25 октября на побережье залива Мори-Ферт, около г. Нэрн, снова с He-115 была высажена еще одна группа из трех агентов абвера. На этот раз в нее входили немец Отто Йоост и два норвежца – Гуннар Эдвардсен и Легвальд Лунд. Их миссия, как и в предыдущем случае, тоже завершилась скорым провалом.

Истории абверовских агентов, доставлявшихся на территорию Великобритании по морю и воздуху, отличались друг от друга лишь датами и незначительными деталями. Согласно британским данным, все они были выявлены и арестованы. Некоторых приговорили к смертной казни, других – к тюремному заключению, но большую часть использовали в качестве двойных агентов. Однако есть факты, говорящие о том, что нескольким агентам все же удалось ускользнуть от бдительного ока контрразведки.

Так, в конце октября около городка Амерсхэм, приблизительно в 20 км северо-западнее Лондона, с самолета 2-й эскадрильи Aufkl.Gr.Ob.d.L. был высажен голландец Ян Виллен тер Баак. Его парашют был найден англичанами лишь 3 ноября, но самого агента обнаружить не смогли. Он регулярно выходил на радиосвязь с подгруппой «Гамбург» из абвера-I, отвечавшей за разведку на территории Англии. Однако затем 1 апреля 1941 г. Виллен тер Баака обнаружили в одном из бомбоубежищ Кембриджа, убитым выстрелом в голову. По официальной версии, он покончил жизнь самоубийством, но сейчас можно утверждать, что это было не так. Голландец был двойным агентом, но работавшим не на британскую МИ5, а на советскую разведку, и одна из сторон просто рассчиталась с ним за предательство.

В ночь на 15 ноября над Южной Англией появился Do-217 из авиагруппы Ровеля. На борту, помимо экипажа – обер-лейтенанта Кнемейера и лейтенанта Рунке, – находились два агента абвера, а также гауптман Гартенфельд, который должен был проконтролировать их выброску. О заданиях агентов ничего не известно, но на их особую важность указывали два обстоятельства. Во-первых, в самолете имелся «лишний» пассажир – командир 2-й эскадрильи Aufkl.Gr.Ob.d.L., что было очень необычно. Во-вторых, для их выброски, вероятно, не случайно была выбрана ночь, когда бомбардировщики люфтваффе совершили знаменитый массированный налет на Ковентри, и англичане не могли проследить за отдельным самолетом.

Зигфрид Кнемейер потом вспоминал: *«Все вокруг над Южной Англией было освещено прожекторами, ищущими наши бомбардировщики. Около Бристоля мы столкнулись с мощным зенитным огнем и в течение долгого времени были в прожекторах»*. Однако «Дорнье» благополучно избежал попаданий и доставил одного агента, который, по словам Кнемейера, был норвежцем, к Бирмингему, а второго – студента из Южной Африки – в район плато Дартмур. По настоящее время нет никаких данных, что англичане смогли обнаружить их.

Тем временем операция «Морской лев», назначенная на середину сентября, так и не началась. Еще 13 сентября Гитлер, учитывая общий ход воздушного наступления на Англию, которое вели люфтваффе, распорядился отложить ее на конец месяца. Затем в октябре стало окончательно ясно, что Геринг не сможет сдержать своего хвастливого обещания уничтожить английскую авиацию и обеспечить полное господство люфтваффе в воздухе над Ла-Маншем и Южной Англией. В дальнейшем дата начала операции переносилась еще несколько раз, пока 9 января 1941 г. Гитлер окончательно не отдал приказ отменить все приготовления к ней.

Постепенно и абвер свернул свою операцию по массовой заброске агентов на территорию Англии. Этому в немалой степени способствовала усилившаяся активность ночных истребителей RAF. Полеты на малых и средних высотах над Ла-Маншем и Северным морем стали чрезвычайно рискованными. В итоге за первую половину 1941 г. в Англии на парашютах были высажены всего два агента: 31 января – Йозеф Якобе и 14 мая – Карл Рихард Рихтер. Они также были арестованы, отказались сотрудничать с МИ5 и позднее в том же году были казнены.

Фактически операции по заброске агентов в Ирландию и Англию стали для специальных эскадрилий и абвера своеобразными учениями. Тогда еще немцы не подозревали, что война затянется на долгие годы, а шпионов во вражеский тыл придется забрасывать буквально тысячами!

Глава 2

Мы сбрасывали русских «партизан»

Радость крестьян

Уже во втором квартале 1941 г. немцы начали заброску шпионов и диверсантов в приграничные районы Советского Союза. В основном они формировались из бывших жителей Западной Польши, а также Прибалтийских стран, которые ранее сбежали на территорию Третьего рейха и согласились сотрудничать с германской разведкой. Чтобы понять, как она получила в свои руки этот контингент, следует немного вспомнить о событиях полутора десятилетий давности.

14 сентября 1939 г., через две недели после нападения Германии на Польшу, на передовицах газеты «Правда» появилась статья «О внутренних причинах военного поражения Польши». Из коей выяснилось, что Польское государство в основе своей гнилое и разобщенное. А все потому, что поляки, живущие преимущественно на западе страны, не предоставили востоку, населенному в основном украинцами и белорусами, автономии, равноправия, не сделали украинский язык вторым государственным и т. п.

Выход статьи был не случайным. К этому времени советское руководство осознало, что судьба Польши фактически предрешена, и само готовилось ввести войска в восточную часть страны. В связи с этим требовалось срочно создать нужное общественное мнение.

«Казалось бы, что правящие круги Польши должны были наладить с такими крупными национальными меньшинствами нормальные отношения, обеспечить за ними национальные права, дать им хотя бы административную автономию, если не политическую автономию, дать национальные школы, культурные учреждения и т. п. Ибо ясно, что без обеспечения таких или подобных им национальных прав для национальных меньшинств невозможно сохранить многонациональное государство, невозможно обеспечить его внутреннее единство и жизнеспособность», – сообщала «Правда», которая, по словам Сталина, «никогда не врет».

Ну а в продолжение сказанного в 5 часов утра 17 сентября советские войска перешли границу Польши, дабы «освободить» братские народы. *«12 часов 30 минут. Смолкли песни. Тишина. Все собрались слушать речь по радио товарища Молотова. Лица напряжены. В сердце западает каждое слово и рождает на щеках яркий румянец. Взгляд наполняется радостью. Как все просто и величественно! Все понятно. Товарищ Молотов сообщает о вступлении советских войск на территорию Польши для освобождения братьев-украинцев и братьев-белорусов»,* – писала газета «Горьковская коммуна».

На всех предприятиях, во всех колхозах и деревнях страны сразу же прошли митинги, на которых трудящиеся горячо одобряли «мудрое решение» советского правительства. Так, бригадир В. Синицын из колхоза Арзамасского района Горьковской области бегом побежал в сельсовет, куда подвозили свежие газеты. А заполучив пару номеров, сразу помчался на лошади в поле к звеньям, убирающим картофель. «Товарищи! Наши войска вошли в Польшу!» – радостно кричал он прямо на скаку. А в обеденный перерыв все колхозники собрались на коллективную читку. «Ну и правильно! А то ишь какие гады эти паны, столько лет над украинцами измывались», – доносилось из толпы.

В следующие дни советские граждане с волнением слушали радио и буквально давились в очередях за свежими газетами, в которых публиковались сводки с фронта. Последние состояли в основном из четырех частей.

В первую очередь сообщалось о невыразимой радости и счастье, которые испытывают жители Польши во время прихода советских войск: *«Какими словами передать восторг и радость крестьян Западной Украины, встречающих наши части! Взрослые и дети обнимают и целуют бойцов и командиров, и каждый крестьянин хочет оказать какую-нибудь помощь Красной армии. Близ Ровно, когда командир танка тов. Геращенко поблагодарил крестьян за помощь, крестьянин Марчан обнял его и крепко поцеловал...»*

Во-вторых, сообщалось о бесконечной поддержке войны колхозниками и рабочими, которые, пользуясь случаем, еще и давали обязательства перевыполнять план и бороться со всякого рода враждебными элементами: «Члены сельхозартели им. Войкова заявили, что они не потерпят в своих рядах людей, занимающихся спекуляцией».

Попутно пропаганда подчеркивала, что все это не просто освободительный поход, а самая настоящая война: *«Три часа шел ожесточенный бой с поляками за разъезд Житочное. И вот командир роты коммунист А.И. Сорокин крикнул: «Вперед! За Сталина!» Блеснули десятки штыков, громкое «Ура!» разнеслось над лесом. В результате стремительной атаки польские солдаты разбежались...»*

Ну и еще одним, так сказать, трендом стали «фронтовые» поездки 1-го секретаря ЦК Компартии Украины Никиты Хрущева. *«Товарищ Хрущев посетил города Дрогобыч, Борислав... Товарищ Хрущев посетил нефтеперегонный завод и договорился с рабочими о том, как быстрее восстановить производство... Товарищ Хрущев побеседовал с крестьянами о трудной жизни при польских панах... Везде беседы товарища Хрущева с населением заканчивались приветственными лозунгами и радостными возгласами ликующего населения...»*

В общем, всюду, и тут и там, посланец Сталина товарищ Хрущев в первых рядах освобождал Польшу... Между тем значительная часть населения вовсе не горела желанием вставать под советские знамена и бежала на запад. Тем более демаркация границы еще не была проведена, поэтому в течение всей осени, да и в последующие месяцы многие украинцы и белорусы «эмигрировали» в Западную Польшу, считая, что лучше «быть под немцами», чем «под Советами». Позднее, когда в состав СССР перешли Литва, Эстония и Латвия, многие жители этих стран также бежали в Третий рейх. Собственно, из этого контингента в основном и формировались шпионы и диверсанты первой волны.

Перед диверсантами ставились задачи: создавать склады оружия, подготавливать площадки для парашютных десантов, осуществлять целеуказания для бомбардировщиков при налетах на важные объекты. Ну и совершать взрывы, поджоги, перерезать линии связи и отравлять источники воды. При этом агентам не давалось четких указаний по поводу обратного возвращения. Мол, дождитесь прихода немецких войск и обращайтесь к командованию ближайших частей.

В мае 1941 г. в приграничных районах было зафиксировано множество поджогов леса, складов и торфоразработок. Только в Таурагском районе Литовской ССР сгорело около 400 га леса, а в Тракайском – 200 га. На тушение пожаров были брошены пограничники, воинские части и местные жители. С 18 по 22 июня только на минском направлении органы НКВД задержали и обезвредили 211 членов диверсионных групп и одиночных шпионов. Хотя эти данные надо воспринимать с долей скепсиса, ибо органы могли под горячую руку арестовать и совершенно непричастных личностей.

«В распоряжение штаба немецких армий направлялись многочисленные группы из коренного населения – русских, поляков, украинцев, грузин, финнов, эстонцев и т. п., – писал в своем отчете шеф абвера Канарис 4 июля. – Каждая группа насчитывала 25 (и более) человек. Во главе этих групп стояли немецкие офицеры. Группы использовали трофейное советское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были просачиваться в тыл противника на глубину 50–300 километров перед фронтом наступающих немецких армий, с тем чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений, обращая особое

внимание на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также о всех мероприятиях, проводимых противником».

Помимо агентурных групп, в тыл Красной армии забрасывались агенты-одиночки, действовавшие под видом беженцев, выходящих из окружения бойцов, солдат, отставших от своих частей.

22 июня транспортными самолетами была осуществлена массовая высадка бойцов полка zbV800 «Бранденбург» в тылу советских войск. Совместно с группами из Абвера-II они совершали диверсии, захватывали военные и секретные материалы, перерезали линии связи. В первый же день войны диверсанты перерезали сотни метров проводов на линиях связи штаба 4-й армии со штабом Белорусского военного округа и Брестской крепостью. В некоторых районах Бреста было выведено из строя электроосвещение, испорчен водопровод, произведена авария на электростанции в Кобрине. Впрочем, все это было не только дело рук «бранденбуржцев» и абверовцев. Им активно помогали местные жители, еще недавно «радостно приветствовавшие» освободителей от «польского гнета».

Если в первый период своего существования подразделение «Бранденбург» комплектовалось преимущественно из немцев, хорошо владевших иностранными языками, то потом его все больше стали пополнять добровольцы из военнопленных англичан, французов и других стран. В 1941 г. в полк попало много поляков, украинцев и белорусов, бежавших из занятых советскими войсками западных районов Польши и Прибалтики. Перед заброской на советскую территорию бойцы переодевались в советскую армейскую форму, форму НКВД, милиции и железнодорожников.

В ночь на 22 июня группа под командованием лейтенанта Каттвица была выброшена с самолета в 20 км от границы в районе моста через реку Бобр. Диверсантам удалось захватить объект неповрежденным и удерживать его до подхода немецких танков. 25 июня 35 «бранденбуржцев» были выброшены возле станции Богданово для захвата и удержания двух мостов на перегоне Лида – Молодечно. Самолет получил повреждения от зенитного огня и был вынужден выбросить группу раньше времени с высоты 50 м. Тем не менее диверсантам удалось перебить охрану мостов и захватить их. При этом десантники не предполагали, что рядом находится несколько советских танков и рота пехоты, которые попытались отбить переправы. В ходе завязавшегося боя 5 диверсантов во главе с командиром группы лейтенантом Лексом погибли, 15 получили ранения. Тем не менее бойцы смогли продержаться больше суток, пока к ним не прорвались немецкие мотоциклисты.

Истребительные батальоны против «Бранденбурга»

С самого начала войны заметную роль в борьбе с германскими десантами на территории СССР стали играть истребительные батальоны.

Они были созданы постановлением Совета народных комиссаров от 24 июня 1941 г. «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов». В тот же день было принято постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по борьбе с диверсантами и парашютистами». Согласно этим документам, истребительные батальоны формировались партийными организациями на добровольной основе как части специального назначения. В них следовало набирать партийных, комсомольских и советских активистов, имевших хорошую физическую форму и военную подготовку, но по разным причинам не подлежащих призыву в армию.

Управление, боевая подготовка и оперативное использование истреббатальонов возлагались на органы НКВД. В связи с этим 25 июня это ведомство издало приказ «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Был сформирован штаб истребительных батальонов, начальником которого был назначен генерал-майор НКВД Г.А. Петров. При этом в управлениях НКВД г. Ленинграда и Ленобласти, Мурманской, Калининской, Ростовской областях, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Грузинской республиках, а также Крымской АССР и Краснодарском крае были образованы оперативные группы истребительных батальонов.

Штатная численность каждого батальона определялась в 100–200 человек, которые должны были получить на вооружение 2 пулемета, винтовки, револьверы и гранаты. Как и сотрудники милиции, бойцы батальонов получили право использовать (в том числе временно реквизировать) автомобили, лошадей и мотоциклы.

В первую очередь эти добровольческие подразделения должны были взять под охрану предприятия, железнодорожные сооружения, мосты, электростанции. То есть те объекты, которые могли представлять наибольший интерес для немецких парашютистов. В качестве наблюдателей рекомендовалось привлекать лесников, пастухов, путевых обходчиков и сотрудников сельской милиции.

Уже в первые дни войны работа по формированию батальонов шла полным ходом. Так, в Николаевской области было сформировано 33 истреббатальона численностью 7404 человека. Для наблюдения за воздухом в регионе было построено почти 500 вышек, создано 30 групп для осуществления связи с батальонами. В Кировоградской области сформировали 32 батальона численностью почти 6 тыс. человек, в Киевской области – 62 батальона. К 19 июля 1941 г. на территории Украины действовало 533 батальона общей численностью свыше 100 тыс. человек. Однако в Прибалтике и Белоруссии, территория которых была захвачена в первые же недели войны, всю эту работу провести, естественно, не успели.

Вскоре практика создания истребительных батальонов распространилась и на города глубокого тыла. «Создан истребительный батальон из 200 человек, – сообщалось в докладной записке Ленинского райкома ВКП(б) в Курский обком. – 80 % его составляют коммунисты, остальные комсомольцы... Штаб батальона обеспечен помещением, исполком райсовета выделил батальону 4 автомашины, 3 мотоцикла, 40 лошадей и подвод и 20 велосипедов». В Сталинграде приказ о формировании восьми истребительных батальонов в областном центре, четырех в Астрахани и по одному в каждом районе был издан уже 27 июня.

«8 июля. Вчера несколько писателей – Владимир Беляев, Борис Четвериков, Михаил Розенберг и я – записались в добровольческий батальон нашего района, – вспоминал ленин-

градский писатель Дмитрий Щеглов. – *Меня назначили командиром взвода... 12 июля. Четыре дня как сформирован взвод. Обучаю 38 человек. Здесь профессора и инженеры, руководители учреждений, актеры и плотники, наборщики и бухгалтеры. Наш взвод имеет сузубо штатский вид. Одеты все по-разному: кто в рабочей блузе, кто в куртке, кто в пиджаке».*

Стоит отметить, что в начале войны советское руководство еще толком не знало, как и для чего использовать многочисленные истреббатальоны. Ибо формулировка «борьба с диверсантами и парашютистами» носила как бы обтекаемый характер. В 1941 г., начитавшись о немецких десантах в Норвегии, Голландии и на Крите, в СССР панически боялись повторения подобного. В 1941 г. добровольческие батальоны создавались в первую очередь именно для борьбы с высадкой массовых парашютных и планерных десантов. Не случайно самыми многочисленными и хорошо вооруженными были истребительные батальоны в Москве. Вскоре после начала немецких авиаударов по столице, 4 августа командующий Московским военным округом генерал-лейтенант П.А. Артемьев отдал приказ об организации обороны Москвы против авиадесантов противника. Согласно ему, на окраинах города были созданы 5 оборонительных секторов. Их боевой состав включал в себя слушателей военных учебных заведений, а также бойцов московских истребительных батальонов. В них насчитывалось свыше 26 тыс. человек, а на вооружении имелось 19 тыс. винтовок, 583 станковых и ручных пулемета, 8 орудий, 4 зенитных установки, 19 танков, 41 бронемашина и 128 мотоциклов! Плотность людского состава на 1 км² составляла аж 350 человек. К слову сказать, штатная численность истреббатальонов в столице составляла не 100–200 человек, а все 500. Эти цифры говорят о том, насколько серьезно в Москве ждали немецких парашютистов.

Наиболее активно в первоначальной роли «истребителям» пришлось действовать в начале войны. В июне – июле 1941 г. немцы активно практиковали заброску диверсионных групп в прифронтовые районы. Впрочем, первый удар приняли на себя бойцы НКВД. Так, утром 22 июня в районе поселка Воложин в Белоруссии был выброшен небольшой десант. На его ликвидацию был брошен личный состав отдела НКВД, милиции и местный партизанский отряд. Имея на вооружении карабины, пистолеты и бутылки с горючей жидкостью, весь этот отряд вступил в бой с диверсантами. Однако десантники оказались хорошо подготовленными и сумели перебить 16 работников милиции. Еще одна аналогичная схватка имела место на окраине г. Волковыска.

Одним из первых вступили в бой истребительные батальоны Гомельской области. 4 июля один из бойцов, охранявших телеграф областного центра, заметил, что из Пионерского парка кто-то подает загадочные световые сигналы в духе героев романа Конан Дойла «Собака Баскервилей». Направленные в парк бойцы задержали двух человек, одетых в красноармейскую форму, которые пытались оказать сопротивление. При прочесывании местности были обнаружены еще два человека, являвшиеся немецкими диверсантами. На территории Дедовского сельсовета Гомельского района бойцы истребительного батальона арестовали сразу 44 человека, которые, по данным НКВД, также оказались диверсантами. А наряд Ново-Белицкого истреббатальона 4 июля задержал 10 агентов, готовивших взрыв железнодорожного моста. Затем были арестованы еще четыре человека, пойманные при подаче световых сигналов для бомбардировщиков.

В лесу в районе деревни Булавки Калинковичского района Полесской области был выброшен десант, одетый в форму сотрудников НКВД. Немцы активно использовали этот прием. Во-первых, «энкавэдэшников» повсюду боялись местные жители, во-вторых, подобный маскарад вводил в заблуждение настоящих сотрудников НКВД. Однако в данном случае появление лжеправоохранителей с воздуха было замечено наблюдателями, и на их поимку была направлена истребительная рота. Во время боя диверсанты были рассеяны в лесу.

Любопытный случай произошел при переправе отступающих советских войск через р. Березину. Потоки беженцев и солдат создавали напряженную обстановку, а порядок обеспечивал истребительный батальон Березинского района Минской области. К мосту подъехали на машине три человека в форме НКВД, один из которых, назвавшись полковником Лишаем, приказал повернуть поток беженцев и отходящие части в сторону г. Борисова. Так случилось, что командир батальона Г.И. Белявский лично знал Лишай еще по учебе в школе. Белявскому показалось подозрительным, зачем Лишай поворачивал солдат в сторону, где идут бои. Взяв с собой нескольких бойцов, командир поехал к реке. Он еще издали разглядел трех «чекистов», распорядившихся на мосту, но ни один из них не был похож на Лишай. Когда всех троих задержали, выяснилось, что это немецкие агенты, несколько дней назад сброшенные с самолета. Они имели поддельные документы сотрудников НКВД, а машину попросту угнали.

Борьба с немецкими десантами шла и на других участках. В начале июля наблюдатели Кагульского истребительного батальона Молдавской ССР заметили в небе самолет, из которого стали прыгать парашютисты. В результате массовой облавы бойцы сумели задержать семерых диверсантов, еще трое погибли в перестрелке. Чадыр-Лунгский истребительный батальон вел бой с десантниками, пытавшимися захватить вокзал и станцию Чадыр-Лунга и разгромить эшелон, отходивший в тыл.

Уже в первые дни войны немцы и финны начали операцию по разрушению шлюзов Беломоро-Балтийского канала имени Сталина. 23 июня с двух гидросамолетов He-115, стартовавших с озера Оулуярви в Финляндии, на озере Вис, недалеко от канала, было высажено 16 финских диверсантов. Пересев на надувные лодки, они двинулись к каналу. Однако диверсанты были своевременно обнаружены бойцами истребительного батальона Медвежьегогорского района, которые совместно с охраной канала сумели отразить атаку. Впрочем, это не надолго продлило жизнь гидросооружений. 28 июня бомбардировщики Ju-88А из специализированной авиагруппы KG.806 во главе с обер-лейтенантом Хансом Эмигом атаковали шлюзы № 6, 7, 8 и 9. В результате попаданий мин VM1000 три из них были выведены из строя. При этом «Юнкерс» самого командира был уничтожен взрывом собственной мины, упавшей на бетонный устой шлюза № 9.

Надо сказать, что первые операции германских спецслужб были довольно успешными. Во многих местах диверсантами была разрушена связь, нарушено управление войсками, пущен под откос эшелон с военной техникой. В районе Каунаса были взорваны железнодорожные пути и закупорен туннель. Несколько групп агентов заброшены в Москву и ее пригороды с задачей устроить массовые диверсии, а также взорвать высоковольтную линию Углич – Москва. Только за 14 дней августа 1941 года на Кировской и Октябрьской железных дорогах было совершено семь успешных диверсий. Однако к осени активность германских спецслужб резко пошла на убыль. Во-первых, у них попросту закончились кадры. Операция «Барбаросса» планировалась как молниеносная, поэтому почти все подготовленные диверсанты и агенты были использованы в первые месяцы. Во-вторых, сказывалась нехватка транспортных самолетов, которые во все возрастающих количествах требовались для снабжения передовых частей. Да и рассчитывать на внезапность и хаос в советском тылу больше не приходилось.

Тем не менее единичные заброски диверсантов продолжались. К примеру, в октябре, когда немецкие войска рвались к Москве, в пригороде столицы была высажена 9-я рота полка zV800 «Бранденбург». Она имела задачу внезапно захватить и удерживать заграждения и укрепления на одной из въездных дорог в город. Однако почти все парашютисты были уничтожены бойцами истребительных батальонов и сотрудниками НКВД.

Что же касается истребительных батальонов, то им еще предстояло сыграть большую роль в борьбе с абвером. Кроме того, «истребители» стали привлекаться для охраны общественного порядка, розыска дезертиров и уклонистов и иных мероприятий.

Кто и что взрывал?

Однако большой размах деятельность германских спецслужб на территории СССР приобрела уже в 1942 году. Не случайно, скажем, Госкомитет Обороны постановлением № 1320с от 21 февраля отнес города Горький, Сталинград и Саратов к режимной местности первой категории. Одновременно с этим местным органам НКВД было приказано: *«Провести перерегистрацию паспортов у граждан, проживающих в режимных местностях первой и второй категории, в закрытых зонах и пограничной полосе Союза ССР. На всех паспортах, подвергнутых перерегистрации, наклеить контрольные метки установленного НКВД СССР образца»*. Отныне гражданам, не имевшим в паспорте контрольной метки, было запрещено проживать в режимных местностях. Перерегистрацию предполагалось начать 1 апреля. Учитывая, что в окрестных районах Сталинграда, связанных с городом местным транспортом и пригородным сообщением, осело значительное количество ранее судимых и других *«социально опасных»* лиц, которым было отказано в прописке, ГКО дополнительно установил вокруг города 25-километровую запретную зону.

Это было связано с тем, что спецслужбы Третьего рейха активизировали заброску агенты и диверсантов в тыловые районы, особенно в Поволжье. 25 февраля транспортное управление НКВД СССР разослало своим отделам на Дзержинской, Западной, Горьковской и других железных дорогах указание о розыске и ликвидации диверсионных групп противника, перебрасываемых через линию фронта. По данным органов НКВД, немцы в последнее время усилили заброску диверсантов для подрывов железных дорог в советском тылу. В течение месяца на территории Саратовской области были задержаны четыре члена диверсионно-разведывательной группы противника, десантированные в ночное время с немецкого самолета. Все они, находясь в лагерях военнопленных, были завербованы представителями военной разведки противника и направлены на учебу в Варшавскую разведшколу. После учебы и освоения радиододела была скомплектована разведгруппа, возглавлявшаяся неким Кравченко. Затем она была заброшена на территорию области с заданием осесть в крупных и стратегически важных населенных пунктах и проводить сбор разведывательных данных о работе железнодорожного транспорта, промышленных предприятий, выяснять дислокацию и укомплектованность воинских частей, сообщать о результатах бомбардировок вражескими самолетами важных объектов. Группа была оснащена средствами радиосвязи и оружием.

18 апреля в Сталинградскую область был заброшен агент абвера, который сразу явился с повинной в органы власти. Как выяснилось, он имел задание довольно широкого спектра: вести сбор данных о дислокации и численности воинских частей, их вооружении, расположении складов, техники и штабов, а также изучать суточные маршруты и основные грузопотоки железнодорожного транспорта, выяснять номенклатуру выпускаемой на военных заводах продукции и др.

Вот что докладывал командир взвода истребительного батальона Кумылженского района Сталинградской области о задержании немецкого парашютиста: *«К выполнению оперативного задания отряд приступил 19 апреля 1942 г. в 1 ч. 40 мин. по местному времени с объявлением тревоги. План ночной работы заключался в следующем: я решил расставить сеть заслонов на подступе к Глазуновке с целью наблюдения за местностью, а сам с группой из 3 человек обследовал все возможные выгодные посадочные площадки. В 9 ч. 30 мин. заслон сообщил, что обнаружил подозрительного человека, указал его приметы и направленные движения. Выехав на место, я догнал посланную вперед группу и задержал парашютиста, который совершил попытку к бегству. При обыске у него изъяты револьвер, патроны, часы, компас, документы и три тысячи рублей денег. При выполнении задания особо отличились Селиванов, Слонов, Лободенко»*.

В апреле 1942 г. на территории Краснобаковского района Горьковской области были арестованы Антип Ефимович Лукашев и Я.А. Жуйков. Первый после задержания сознался, что после призыва на территории региона попал в плен в первые месяцы войны. Затем согласился сотрудничать с немцами, рассказал о всех известных ему военных заводах на территории Горьковской области и дислокации воинских частей. После этого Лукашев был направлен на учебу в разведшколу возле Смоленска, где прошел обучение по проведению диверсий. После выброски на территории Горьковской области агенты должны были осесть в районе железной дороги Горький – Киров и проводить диверсии.

При этом у Лукашева органы изъяли довольно крупный арсенал. В постановлении о сдаче вещественных доказательств, подписанном старшим следователем контрразведывательного отдела Управления НКВД по Горьковской области Маховым 21 апреля 1942 г., говорилось:

«Я, ст. следователь КРО УНКВД по Горьковской области Махов, сего числа рассмотрев следственные материалы по делу № 387 по обвинению Лукашева Антипа Ефимовича по ст. 58-1-«б» УК РСФСР –

НАШЕЛ

Во время ареста и личного обыска у Лукашева А.Е. были обнаружены:

- 1. Тола прессованного сульфитного – 2 кг.*
- 2. Электровзрывателей – 5 шт.*
- 3. Капсулей взрывателей немецкого производства – 9 шт.*
- 4. Детонаторного шнура коричневого цвета – 47 метров*
- 5. Бикфордового шнура 8,4 метра.*

Все вышеперечисленные предметы являются вещественным доказательством, но ввиду своей громоздкости к следственному делу № 387 приобщены быть не могут, а потому

ПОСТАНОВИЛ:

Взрывчатые вещества, изъятые у арестованного Лукашева Антипа Ефимовича, сдать на хранение в комендатуру УНКВД по Горьковской области. К делу приобщить соответствующие квитанции».

В апреле и мае диверсанты, экипированные аналогичным арсеналом, были выловлены в районах городов Молотова (Перми) и Куйбышева.

Однако многим из заброшенных шпионов все же удалось выполнить задания. Именно в этот период в ряде мест из-за слабо поставленной противодиверсионной работы и охраны железных дорог агентура противника смогла нарушить движение и линии связи. Имели место и диверсии на предприятиях. Правда, из-за большого количества нарушений в технологическом процессе и аварий трудно было отличить, какие из них произошли по халатности, а какие являлись следствием подрывной деятельности германских диверсантов.

13 апреля начальник Дзержинского горотдела НКВД старший лейтенант госбезопасности Поляков писал секретарю Дзержинского горкома Шестакову: *«На заводе № 96 в цехе № 4 имело место три случая аварий в 1941 г.: взрывхайтеркомпрессорного отделения, взрыв 34 ванн, затем еще 9 ванн. На заводе «Ява» конторой Союзхимпрома был смонтирован цех № 2, который в течение шести месяцев не работал. Причем в феврале месяце цех окончательно вышел из строя, а 3.4.42 г. взорван. Цех смонтирован с грубыми отступлениями от проектов, вентиляция неработоспособна. Канализация не работает, оборудование поставлено то, которое не предусмотрено проектом, и, наоборот, предусмотренное проектом не поставлено, техдокументация не оформлена и т. д.»*. В секретной переписке между НКВД и горкомом партии также отмечалась плохая охрана объектов, в частности, на Игумновскую ТЭЦ имели место неоднократные проходы людей без пропусков, по чужим пропускам, нарушения трудовой дисциплины охранниками и вахтерами, пьянки на посту и т. п.

По всей вероятности, в случаях, когда не удавалось найти диверсантов, аварию списывали на халатность и вредительство. В конце концов, тем же органам НКВД было более безопасно сообщить о раскрытии «контрреволюционного заговора», нежели о вражеской диверсии. Ибо во втором случае у руководства мог возникнуть вопрос: а как же вы допустили?! Почему не разоблачили шпионов до того, как они взорвали цех?

К примеру, в июле 1941 г. в цехе № 7 завода № 80 имени Свердлова в Дзержинске, являвшегося главным поставщиком взрывчатых веществ, произошел крупный пожар. Приехала комиссия Госконтроля СССР, которая обвинила в аварии руководство предприятия. Директор Сергей Горин, а также главный инженер Алексей Цыганков были отстранены от работы и арестованы. Горина потом расстреляли как «врага народа», а вот талантливый инженер Цыганков не только был оправдан Горьковским областным судом, но в сентябре 1943 г. назначен директором завода в звании генерал-майора и проработал на этой должности до 1954 г. Хотя взрывы на химических заводах гремели регулярно. Только за 1943 г. произошло 179 аварий и 1710 несчастных случаев.

Полеты самолетов, доставлявших диверсантов в глубокий тыл, конечно же не оставались незамеченными. Особенно если маршруты пролегли недалеко от крупных городов, узловых железнодорожных станций и других объектов.

К северо-востоку от Горького (ныне Нижний Новгород) начинается большой массив глухих, местами непроходимых лесов, постепенно переходящих в тайгу. Тогда единственными крупными населенными пунктами были расположенные на железной дороге, идущей почти по прямой в направлении г. Киров, станции Семенов, Урень и Шахунья. Их разделяли 50–70 км практически безлюдной местности. Лишь в районе поселка Сухобезводное, расположенного между Семеновом и Уренью, плотность «населения» резко возрастала, там располагались сразу несколько лагерей ГУЛАГа. Наблюдение за небом в этом обширном секторе осуществляли малочисленные посты ВНОС, находившиеся в Семенове, Керженце, Воскресенске, Красных Баках, Линде и Шахунье. Противовоздушная же оборона вообще отсутствовала.

Осенью 1941 г., когда немецкие войска рвались к Москве, возникли серьезные опасения, что война дойдет и до Горьковской области. 3 ноября вышли директивы Главного управления ВВС РККА № 111-04 и 7420, согласно которым в районах Линда, Шахунья, Урень и Семенов были построены оперативные аэродромы со спецсооружениями. Однако в скором времени они были заброшены и никогда не использовались. Вся эта обширная территория, даже с аэродромами, являлась практически идеальной для выброски диверсионных и шпионских групп.

Так, поздно ночью 10 июня 1942 г. поступило сообщение от постов ВНОС о шуме моторов неизвестного самолета. В Горьком сначала было введено «Угрожаемое положение № 1», а затем в 01:54 по местному времени по приказу командующего Горьковским корпусным районом ПВО генерал-майора А.А. Осипова была объявлена воздушная тревога. Батареи 742-го и 90-го зенитных артполков и Горьковского зенитного училища открыли огонь и выпустили в небо около 400 снарядов. Однако никаких самолетов над городом не пролетало, и в 02:38 штаб ПВО передал сигнал «Отбой воздушной тревоги».

В ночь на 16 июня в Горьком вновь объявили воздушную тревогу. Невыспавшиеся жители многочисленных городских районов и поселков устремились к укрытиям во дворах и подвалах, десятки групп самозащиты и формирований МПВО заняли свои боевые посты на крышах зданий. Однако время шло, зенитки не стреляли, и никаких самолетов снова не пролетало. Зато в Ворошиловском районе (ныне Приокский район) кто-то пустил три осветительные ракеты в направлении промышленной зоны, одновременно еще две ракеты взвились над Горьковским автозаводом.

Гудки сигналов воздушной тревоги звучали в Горьком и в ночь на 26 июня, однако и на этот раз никакой бомбежки не было. Вполне возможно, что наблюдатели постов ВНОС действительно слышали шум самолета, только он направлялся не бомбить город, а следовал к месту выброски шпионов за Волгой.

В короткие июльские ночи покой жителей районов Горьковской области снова периодически нарушался доносящимся откуда-то с неба гулом авиационных моторов, воем сирен воздушной тревоги и грохотом зениток. При этом никаких бомбежек опять же не было, и, что это за самолеты-призраки и куда они летят, оставалось только догадываться.

Так, в ночь на 24 июля в 02:05 по местному времени наблюдатель Нарков с вышкового поста № 2 Горьковского автозавода услышал отдаленную артиллерийскую стрельбу в районе Сормова. Об этом он сразу же сообщил в заводской штаб МПВО. Через минуту аналогичное сообщение пришло с ВПП № 1 от наблюдателя Рябухова. В 02:14 пальба в Сормовском районе прекратилась, но Нарков увидел отдаленные вспышки выстрелов в районе Балахны. Через минуту в пустынном промежутке между автозаводом и Сормовом вспыхнуло какое-то пламя. Огонь горел некоторое время, но потом погас. Вероятнее всего, кто-то пытался подать самолетам сигнал с земли. В 02:16 стрельба всюду прекратилась и снова наступила тишина. Кто в кого стрелял и что за самолет пролетал мимо Горького, осталось неизвестным. Это опять мог быть транспортник с диверсантами.

Однако, по всей видимости, немцы не ограничивались лишь выброской шпионов на парашютах. Жители Семеновского района, один из которых работал егерем, впоследствии вспоминали, что во время дальних переходов по лесам они неоднократно видели снижающиеся и заходящие на посадку самолеты. Эти очевидцы утверждали, что на них не было никаких опознавательных знаков. А в один из своих походов егерь обнаружил посреди лесной глуши большую поляну, на которой стоял самолет! При этом рядом с двухмоторной машиной беззаботно курили летчики.

Не решившись подойти ближе, егерь побежал в райцентр сообщить об увиденном. Поначалу ему просто не поверили, но затем все же выслали бойцов местного истребительного батальона на разведку. Добравшись по лесным дебрям до той самой поляны, ополченцы не нашли самолетов, однако на земле были отчетливо видны следы их колес. После обследования местности были обнаружены окурки, какие-то распакованные контейнеры и следы, терявшиеся в ближайшей чащобе...

Таким образом, в Поволжье вполне мог существовать секретный аэродром люфтваффе, использовавшийся для доставки и снабжения диверсионных групп, а возможно, и для каких-то других целей. Предположительно он находился в 90–100 км северо-восточнее Горького. По одной из версий, немцы попросту могли периодически использовать заброшенный советский оперативный аэродром.

«Наши пассажиры – рыбаки с Нижней Волги»

Во время летне-осенней кампании 1942 г. абвер и Главное управление имперской безопасности Третьего рейха (РСХА) активизировали заброску шпионов в Поволжье. К августу выброски немецких диверсионных и разведывательных групп были зафиксированы в районах Балашова, Саратова, Пензы, Куйбышева, Сызрани и других волжских городов.

Кроме того, во время наступления немецких войск практиковалась высадка диверсионных групп в прифронтовой полосе с целью захвата стратегических объектов. В начале июля в районе железнодорожной станции Лиски в Воронежской области был выброшен десант из 50 парашютистов, одетых в форму войск НКВД. Сориентировавшись на местности, еще в темноте они захватили местную комендатуру. Получив нужные сведения, коменданта и его помощника заперли в подвале. Затем под предлогом, что арестованный комендант оказался «германским агентом», начальник станции получил приказ подчиниться новому коменданту. В это время на станцию прибыл воинский эшелон. Начальника поезда и всех командиров вызвали на «оперативное совещание» и всех арестовали.

К утру с ближайшей станции потребовали принять следующий эшелон. Начальник станции дал согласие. Между тем навстречу пустили поезд из нескольких товарных вагонов. В результате произошло крупное крушение, вследствие которого линия была выведена из строя. Вскоре на станцию прибыла группа солдат с целью разобраться в обстановке. Ее командира также вызвали в комендатуру и арестовали. Ну а к полудню к Лиски подошли немецкие танки...

К концу лета военная обстановка в районе Сталинграда осложнилась, и немцы для ее дальнейшей дестабилизации стали наращивать масштабы заброски агентуры. Аппараты местных управлений НКВД, наряду с задействованием для борьбы с десантами германских спецслужб оперативных работников, вынуждены были во все больших масштабах использовать бойцов истребительных батальонов и население. Особое внимание обращалось на создание специальных групп из числа бойцов истребительных батальонов в населенных пунктах, прилегавших к линиям железных дорог.

Усиливались патрулирование и проверки документов в ночное время у лиц, передвигавшихся по дорогам; те из них, документы которых вызывали подозрение, задерживались для выяснения личности. В помощь истребительным батальонам подключались группы содействия из местного населения для несения службы наблюдения за воздухом и за всеми неизвестными лицами, появлявшимися в обслуживаемом районе. Перед ними ставились задачи по расширению наблюдения за воздухом путем организации новых постов в каждом из населенных пунктов, с привлечением к этому пастухов, лесничих, объездчиков. Наблюдатели за воздухом должны были тщательно отмечать трассы полетов самолетов в целях организации поиска, возможно, заброшенных диверсантов.

Заброска шпионов, подготовленных в разведшколах абвера, осуществлялась различными подразделениями люфтваффе, причем для этих целей нередко привлекались бомбардировочные эскадры. Так, экипаж Х. Новака из 8-й эскадрильи KG27 «Бёльке» начиная с 8 августа пять раз вылетал с аэродрома Полтава, где находился крупный немецкий разведцентр, для доставки агентов в Нижнее Поволжье. В каждую группу входили по четыре диверсанта. Впоследствии Новак вспоминал: *«Мы сбрасывали далеко за линией фронта группы русских «партизан». Эти личности до этого проходили подготовку в Полтаве. Среди них присутствовали всевозможные типы: убежденные антикоммунисты, авантюристы и уголовные преступники, которые вызвались добровольцами. Они имели задания взрывать железнодорожные линии в глубоком русском тылу и ударами по кораблям блокировать судоходство на Волге. После исполнения задания они должны были пытаться снова*

пробиться к нам, чтобы затем получить вознаграждение в виде деревенского дома со скотом».

Перед вылетом шпионы получали пистолеты, ножи, взрывчатку, карты местности, необходимое продовольствие и «Froschquake» (устройство, имитировавшее кваканье лягушки и помогавшее им быстро найти друг друга после приземления). Полеты проходили, как правило, безлунными ночами, и предварительно «Хейнкель» полностью покрывался черной краской.

Перед взлетом русским для смелости давали водку, однако затем в последний момент мужество все же покидало некоторых из них, так что бортмеханик Петер Ублэндер вынужден был, по словам Новака, *«слегка посодействовать им покинуть самолет»*, то есть фактически выкидывать перепуганных диверсантов из бомбардировщика. *«Я вспоминаю о подобном полете, – рассказывал Новак, – во время которого наши пассажиры – рыбаки с Нижней Волги – должны были высадиться на определенном острове в дельте Волги, где они были как дома. Конечно, мы не нашли этот остров, так как не могли долго искать его в путанице бесчисленных островов при имеющемся, в данных условиях, в нашем распоряжении времени. В конце концов мы должны были «товарищей» таким же образом «высадить» из самолета, пристегнув предварительно у каждого фал вытяжного кольца парашюта».*

Только за июль – ноябрь спецслужбами Сталинградского и Юго-Восточного фронтов были задержаны 218, а территориальными органами Сталинградской и Астраханской областей – 187 немецких агентов. В их числе оказалось немало завербованных государственных изменников. Так, были обезврежены два агента, готовившие террористический акт против командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова. Территориальным органам НКВД Сталинградской, Саратовской, Тамбовской и Астраханской областей удалось предотвратить 11 диверсий на железных дорогах, ведущих к Сталинграду.

Утром 15 октября немецкий самолет выбросил нескольких парашютистов на территории Новоанненского района Сталинградской области. В то утро колхозница М.Н. Двойченко по пути на работу нашла в овраге сумку с бутербродами, галетами и разбитую флягу из-под спирта. Сразу после этого на поиски диверсантов был ориентирован местный истребительный батальон и колхозники. Шпионы, видимо, и впрямь перепились спирта, так как один из них обронил на дороге маузер, который и нашла местная жительница Д. Косырева. Затем, подобрав оружие, она обнаружила неподалеку в бурьяне прячущегося человека и, собственноручно задержав его, привела в правление колхоза. В тот же день был задержан еще один абверовец.

21 октября органами НКВД были арестованы пять немецких диверсантов, сброшенных с самолетов в районе г. Ленинска, в 40 км восточнее Сталинграда. В то же время особыми отделами НКВД Сталинградского (Донского) и Юго-Восточного (Сталинградского) фронтов, а также территориальными органами Сталинградской, Саратовской и Астраханской областей с 15 июля по 15 ноября были арестованы около 160 так называемых *«агентов-пропагандистов»* и около 190 *«распространителей слухов и провокаторов»*.

В течение лета – осени 1942 года самолеты люфтваффе вели также массовую заброску агентов и диверсантов на территорию Московской области. Как известно, несмотря на поражение под Москвой, немцы смогли удержать линию фронта в непосредственной близости от советской столицы, в том числе печально известный Ржевско-Вяземский плацдарм. Последний представлял собой огромный выступ, вершина которого упиралась в г. Ржев на Волге. В течение всего года в этом районе шли ожесточенные бои, а Москва при этом фактически оставалась прифронтовым городом. Немецкая авиация с целью ослабить давление на свои войска неустанно бомбила железнодорожные узлы и станции в районе Ельца, Тулы, Калинина, Калуги, Сухиничей и др. Отдельные экипажи бомбардировщиков He-111 по ночам охотились за эшелонами в тылу советских войск.

Кроме того, немецкие самолеты регулярно забрасывали в прифронтовые районы диверсантов, которым в основном ставились задачи взрывать железнодорожное полотно, разрушать линии связи и электропередачи, убивать путевых обходчиков и переводить стрелки на путях, провоцируя крушения поездов и т. п.

Так, в 02:50 15 августа в большом лесном массиве, расположенном на стыке Волоколамского, Высоковского и Лотошинского районов Московской области с двух самолетов была выброшена большая диверсионная группа. Высадка, несмотря на темное время суток, была замечена наблюдателями. Кроме того, была зафиксирована подача световых сигналов красного и зеленого цвета с земли. В район между деревнями Покровское, Кузьминское и Назарец были направлены истребительные батальоны Высоковского, Клинского, Волоколамского, Лотошинского и Ново-Петровского районов, а также оперативный состав райотделов НКВД и милиции этих районов. Благодарядействию таких больших сил часть диверсантов удалось задержать по горячим следам.

29 августа высадка десанта была замечена уже в районе деревни Федорцево Константиновского района Московской области. На место были направлены бойцы истребительных батальонов Константиновского и Загорского районов, а также опергруппы НКВД, милиции и бойцы 23-й бригады внутренних войск НКВД. В результате прочесывания местности и проверок документов на блокпостах удалось задержать 6 диверсантов, у которых изъяли радиоаппаратуру, взрыватели, два автомата, пять пистолетов, а также многочисленные фальшивые документы. На допросе шпионы сознались, что получили задание взорвать две мачты высоковольтной линии электропередачи Москва – Углич и две подстанции. В ночь на 27 сентября бойцы истребительного батальона Можайского района в районе деревни Пуршево увидели немецкий самолет, из которого выпрыгнули два парашютиста. Для розыска и задержания шпионов был собран личный состав истребительных батальонов Можайского, Рузского и Верейского районов. При этом операцией лично командовал заместитель начальника Управления НКВД г. Москвы и Московской области майор Линько. В ходе прочесывания лесных массивов, сел и деревень на территории Можайского района были арестованы два агента. Ими оказались 33-летний С.С. Черемискин и 40-летний Н.Т. Сажин. У них конфисковали несколько мин с часовым механизмом, два револьвера и 5000 рублей денег. Сумма, кстати, небольшая. То ли шпионы припрятали остальное, то ли успели потратить до ареста! На допросе задержанные пояснили, что в июле 1942 года сдались в плен, после чего были завербованы и направлены в диверсионную школу в Красном Бору, что возле Смоленска. Имеется в виду филиал Смоленской диверсионной школы, организованной абверкомандой-203, условно именованной «Лагерь МТС». После окончания, так сказать, кратких курсов по терроризму указанные деятели были выброшены в Можайском районе для совершения диверсий на железнодорожном перегоне Волоколамск – Ржев.

В сентябре 1942 г. на территорию Борисоглебского района Ярославской области были заброшены агенты немецкой разведки Карл и Дубель. В тот же день они явились с повинной в органы местной власти. Следствие показало, что, находясь в плену, они окончили разведывательно-диверсионную школу и получили задание выявлять в Ярославле и его окрестностях оборонительные сооружения, аэродромы, воинские части, характер грузов, следующих по железной дороге, характер и объем выпускаемой продукции. Агенты имели радиостанцию, личное оружие и фиктивные документы. С октября по апрель 1943 г. сдавшиеся немецкие разведчики участвовали в радиогре, которую провело УНКВД Ярославской области.

В этом же месяце в районе деревни Кукобой школьная учительница Н. Кордюкова по пути на работу обнаружила шпионское снаряжение, и днем позже с помощью колхозников чекисты задержали двух военных – Ивлиева и Селезнева, оказавшихся вражескими диверсантами.

2 октября в Антроповском районе Ярославской области была задержана группа агентов-парашютистов, в прошлом военнослужащих Красной армии. У них были изъяты: радиостанция, один ящик взрывчатки, три гектографа, запас чистой бумаги для изготовления листовок, 177 600 рублей, запасные наборы одежды, набор фиктивных документов и чистые бланки. Группа имела задание: создавать группы из антисоветских элементов и при их помощи организовать диверсии на железнодорожном транспорте и иных стратегических объектах, террористические акты в отношении советских и партийных деятелей, печатать и распространять листовки от имени «Боевого союза русских националистов», собирать и передавать по радио разведывательную информацию. Все трое прошли обучение в разведывательно-диверсионной школе подразделения «Цеппелин» в местечке Яблонь, в Польше.

Немецкие агенты продолжали активно действовать и на территории соседней Горьковской области. 28 сентября начштаба Горьковского района по борьбе с авиадесантами противника подполковник Севастьянов в своем приказе начальникам боевых групп и участков писал: *«Установлено, что во время налетов авиации противника на город шпионы и предатели Родины производят сигналы ракетами, указывая объекты для бомбометания»*. В связи с этим проводился ряд мероприятий, в том числе во время воздушной тревоги в районах важных объектов (железнодорожных мостов, заводов, вокзалов и элеваторов) выставлялись посты с задачей наблюдать за световыми сигналами, подаваемыми с земли. Штатная численность одного поста была определена в пять человек: два младших командира-наблюдателя и два рядовых для связи во главе со средним командиром.

В ночь на 16 сентября в Арзамасском районе Горьковской области с немецкого транспортного самолета была сброшена на парашютах группа из шестерых немецких агентов. Все они были попавшими в плен красноармейцами, прошедшими Варшавскую разведшколу. Их задачей было сообщать по радиации все данные о советских промышленных предприятиях, работающих на оборону, о расположении военной и гражданской авиации, о работе железнодорожного и водного транспорта, направлении воинских перевозок, настроении населения.

Трое агентов уже на следующий день явились с повинной в Арзамасский райотдел НКВД. Спустя несколько дней с одним из них чекисты завели разговор о работе на радиции под диктовку. Один из членов группы – Семен Калабалин – сказал, что дал согласие немцам работать на них только с той надеждой, что рано или поздно немецкая разведка направит его в тыл советской армии, а он явится с повинной и, может быть, еще будет полезен в борьбе с врагом. В разведшколе Семен очень старался понравиться начальству. При этом осторожно склонял некоторых агентов на то, чтобы, будучи заброшенными в тыл советской армии, сразу идти сдаваться советским спецслужбам. Четверо его коллег это подтвердили. На седьмой день после приземления группы Калабалин в назначенное время вышел на связь с Варшавским разведцентром. Радиограммы Калабалина должны были дезинформировать немцев, но подробнее об этой радиоигре будет рассказано далее.

Большую помощь органам контрразведки оказывали истребительные батальоны. В течение 1942 г. на территории Горьковской области ими были задержаны 1871 человек, в том числе шесть немецких шпионов и парашютистов, 14 бандитов (один при задержании был убит), 505 дезертиров и уклонистов (11 погибли при попытке бегства), 50 «трудовых» дезертиров, 111 *«спекулянтов и мешочников»*, 1091 человек с сомнительными документами и без документов. Истребительные батальоны Саратовской области только за сентябрь – октябрь задержали 120 дезертиров, 212 лиц без документов, 9 парашютистов-диверсантов и 230 «подозрительных» лиц.

В ночь на 6 октября в районе г. Хвалынска Саратовской области с самолета противника на парашютах высадилась группа разведчиков-диверсантов в составе четырех человек. Вме-

сте с ними с транспортника на грузовых парашютах были сброшены специальные мешки с одеждой, продуктами питания. Группе были поставлены следующие задачи:

- осесть в районе Куйбышев – Старая Майна и устроиться в зависимости от условий и обстановки (по какой-то причине самолет произвел выброску группы в 180 км юго-западнее района, в котором ей предстояло действовать, причем, чтобы попасть в Куйбышев, диверсантам сначала надо было каким-то способом пересечь Волгу);

- связываться с антисоветскими элементами, из которых вербовать и создавать в населенных пунктах ячейки «Боевого союза русских националистов»;

- в лесах устанавливать контакт с дезертирами и организовывать вооруженные группы;

- вести сбор данных о политических настроениях населения Поволжья и бойцов тыловых частей Красной армии, о передвижении и дислокации войск – через вновь завербованных лиц проводить диверсионную работу в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве методами поджогов, взрывов и т. п.;

- вести среди населения активную профашистскую агитацию;

- организовывать восстания в тылу Красной армии и покушения на партийных и государственных деятелей;

- размножить на шапирографе воззвания и листовки. Для выполнения задания все разведчики были вооружены двумя пистолетами, тремя гранатами и финскими ножами. Кроме того, группа была снабжена взрывчаткой, термитным порошком, радиостанцией, набором воззваний и листовок, шапирографом. Каждый имел по 50 тыс. рублей. Принятыми мерами розыска группа агентов противника была задержана. Оказалось, что все они окончили школу разведчиков в местечке Яблонь, около польского города Люблин, были завербованы в «Боевой союз русских националистов». В процессе проведения следственных мероприятий по этим лицам была получена информация на 60 агентов немецкой разведки, переброшенных в тыл на различных участках. Только на территории Саратовской области из их числа в дальнейшем были выявлены и задержаны пять человек, остальные объявлены в розыск.

В этом же месяце на территориях Балашовского, Турковского и Бакурского районов Саратовской области удалось задержать пять участников разведгруппы противника, прошедших подготовку в Полтавской диверсионной школе. Они нацеливались на вывод из строя железнодорожных магистралей с тем, чтобы парализовать воинские перевозки в направлении на Сталинград. При задержании диверсанты оказали ожесточенное вооруженное сопротивление.

В ноябре в районе города Сengiлей Куйбышевской области десантировалась группа немецких агентов из трех человек. Ее участники прошли подготовку в разведшколе в местечке Вяацати, вблизи Риги, имели задание совершить серию диверсионных актов на Куйбышевской железной дороге. При задержании у них было изъято оружие, гранаты, большое количество взрывчатки.

Невзирая на все эти угрозы, охрана многих оборонных объектов, ввиду массово распространившейся халатности, оставляла желать лучшего. В частности, в Саратове на многих объектах грубейшим образом нарушался пропускной режим, имели случаи проникновения посторонних лиц, грубые нарушения устава караульной службы. При проверке завода № 205 были выявлены факты отсутствия бдительности со стороны охраны, в частности, вахтер пропустил через проходную человека с совершенно секретным чертежом. Работниками завода № 180 только за декабрь были утеряны 400 пропусков, имелись случаи выдачи рабочим постоянных пропусков без фотографий, передачи пропусков посторонним лицам. В охране заводов, и без того недоукомплектованной, служили престарелые граждане и инвалиды, зачастую неспособные даже долго таскать винтовку.

На всем протяжении 1942 г. диверсионно-разведывательная деятельность германских спецслужб носила массивный и спланированный характер. Действия многих диверсан-

тов отличались повышенной активностью, настойчивостью в выполнении поставленных задач. При задержании они оказывали упорное сопротивление, на допросах вели себя дерзко и упрямо.

Часть немецких агентов все же успешно выполняла порученные задания. В частности, – абверу удалось точно установить, что в районе городов Тамбов и Балашов размещалась часть резервов Ставки ВТК. Это позволило определить вероятное направление ударов Красной армии в ходе зимней кампании 1942/43 г. Однако своевременно доведенные до главного командования вермахта сведения фактически легли под сукно из-за нежелания Гитлера верить в возможность сильных советских контрударов.

В северных пустошах

5 ноября 1942 г. с маневренного аэродрома, расположившегося недалеко от поселка Поной, для прикрытия советского морского транспорта, идущего в Архангельск из Белушней Губы, взлетело два дальних истребителя Пе-3 из 2-й эскадрильи 95-го ИАП Особой морской авиационной группы. Ведущим был лейтенант А. Устименко, а ведомым – старший сержант В. Горбунцов. Через полтора часа им на смену взлетели «пешки» лейтенантов Константина Усенко и Сергея Нюхтикова. Однако у последнего вышел из строя один двигатель, и Усенко продолжал дальнейший полет уже в одиночестве. Его встреча с первой парой состоялась над морем в назначенном районе, недалеко от транспорта, который следовал курсом к горлу Белого моря. Устименко и Горбунцов «сдали пост» и повернули на юго-запад. Когда же лейтенант Усенко, выполнив задание, приземлился на своем аэродроме, выяснилось, что они так и не вернулись...

Спустя 47 лет, в 1989 г., поисковики обнаружили в тундре в обмелевшем болотце остатки двухмоторного самолета. При детальном обследовании оказалось, что это одна из тех самых исчезнувших «пешек» – Пе-3 № 40415 лейтенанта Устименко. В кабине находились останки трех членов экипажа. Но самое удивительное было то, что оба борта самолета были изрешечены пушечно-пулеметными очередями. При этом многие пробоины имели крупный диаметр, не меньше 30 мм. Что за призрак сбил «пешку» вдаль от фронта, так и осталось неизвестным.

Позднее в глухой тундре к востоку от Архангельска обнаружилось еще одно место, повергшее в шок местных поисковиков. В районе Окулова озера находилась большая песчаная площадка с плотно уложенными на ней металлическими пластинами. Это был секретный немецкий аэродром в глубоком советском тылу! На краю взлетного поля еще стояли сгнившие деревянные строения, в которых нашлись вещи обслуживающего персонала люфтваффе и запчасти к радиостанции. Потом в окрестностях аэродрома нашли еще и бочки из-под авиационного бензина с немецкой символикой.

Однако на этом сенсационные находки не закончились. Тайные аэродромы также были обнаружены у села Мегра, расположенного на побережье Белого моря, в 76 км северо-восточнее городка Верхняя Золотица, у села Погорелец, на берегу Мезенского залива, а также в Лешуконском районе на реке Мезень, в 250 км восточнее Архангельска.

Таким образом подтвердилось, что в годы войны в малонаселенных северных районах Советского Союза была создана сеть секретных аэродромов люфтваффе. Понятно, что они не предназначались специально для перехвата Пе-3, которые, по сути, не представляли никакой угрозы для немцев. Возможно, что эти двухмоторные истребители просто появились в ненужное время в ненужном месте и стали свидетелями некой тайной операции.

Секретные немецкие авиабазы существовали не только на Крайнем Севере, но и в Вологодской области. Этот район также был малонаселенным, глухие леса перемежались с непроходимыми болотами и пустошами. Поэтому спрятать там аэродром не составляло особого труда.

Все они в первую очередь создавались в интересах диверсионной деятельности. Через Вологодскую и Архангельскую области проходили важнейшие железные дороги, по которым в центральные районы СССР доставлялись ленд-лизские грузы из портов Мурманска и Архангельска, каменный уголь из Воркутинского бассейна и т. п. Поэтому во второй половине 1942 г. абвер и РСХА начали массовую заброску в эти районы своих диверсионных групп.

В июне 1942 г. в пустынных окрестностях Вологды и Череповца с самолетов Ju-52 были произведены несколько выбросок групп по 4–12 человек. В их число входили и дивер-

санты из полка «Бранденбург», которых высаживали в пустынных районах вдоль железной дороги с целью совершения диверсий. Посты ВНОС Череповецко-Вологодского дивизионного района ПВО только в течение одного этого месяца зафиксировали 38 самолето-пролетов противника в ночное время суток, и в основном это были именно самолеты с диверсантами.

В ночь на 29 августа две группы «бранденбуржцев» были выброшены в районе Мурманской железной дороги. После приземления десантники рассредоточились вдоль магистрали и взорвали полотно одновременно в двух местах, надолго нарушив движение поездов.

В начале сентября диверсионная группа высадилась в 80 км северо-западнее Сыктывкара. Она имела задачу взорвать железнодорожный мост через реку Вычегда, по которому проходила единственная магистраль, связывавшая Воркуту с центральными районами страны. Первоначально операция развивалась успешно, и десантникам удалось перестрелять всю охрану объекта без потерь со своей стороны. Но взорвать мост они не успели. Неподалеку работали заключенные из близлежащего лагеря ГУЛАГа, которые, несмотря на имевшиеся у них обиды на советскую власть, не стали присоединяться к диверснтам, напали на них и буквально передушили голыми руками.

Надо отметить, что осенью 1942 г. начался настоящий прилив немецких шпионов по всей европейской части СССР. Одиночные заброски диверсионно-разведывательных групп чередовались с массированными десантами. Так, 17 сентября немецкие самолеты провели выброску многочисленных групп вокруг Бологого. В начале октября десанты наблюдались в Ярославской, Пензенской и Саратовской областях.

В период с 24 августа по 29 сентября 1942 г. бомбардировщики Ju-88 из KG30 «Адлер» произвели шесть массированных налетов на Архангельск. В результате предприятий и жилым кварталам был нанесен большой ущерб, а портовые сооружения были практически разрушены. Это затруднило разгрузку судов с американской техникой и ее дальнейшую отправку. Чтобы окончательно парализовать эту трассу ленд-лиза, немцы решили выбросить на железной дороге Архангельск – Вологда диверсионную группу, состоявшую из тринадцати эстонцев, служивших в финской армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.